

*В. С. Минак**

А. Н. ЕГУНОВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Андрей Николаевич Егунув (1895–1968), получивший до революции 1917 прекрасное филологическое образование в Петербурге-Петрограде, смог впоследствии в самое непростое для истории страны время проявить себя как незаурядный деятель отечественной культуры. Он внёс заметный вклад не только в развитие отечественной литературы и как поэт и писатель, и как критический исследователь, но и в развитие отечественной филологической науки, в частности в совершенствование переводческого искусства, особенно перевода с древних языков.

Ключевые слова: А. Н. Егунув, Н. И. Гнедич, русская литература, европейская литература, отечественное литературоведение, классицизм, предромантизм, готический роман

V. S. Minak

A. N. YEGUNOV AS A RESEARCHER OF RUSSIAN AND FOREIGN LITERATURE

Andrei Nikolaevich Yegunov (1895–1968), who received an excellent philological education in St. Petersburg-Petrograd before the revolution of 1917, was able later, in the most difficult time for the history of the country, to prove himself as an outstanding worker of national culture. He made a significant contribution not only to the development of Russian literature, both as a poet and writer, and as a critical researcher, but also to the development of Russian philological science, in particular, to the improvement of the art of translation, especially from ancient languages.

Keywords: A. N. Egunov, N. I. Gnedich, Russian literature, European literature, domestic literary criticism, classicism, pre-romanticism, Gothic novel

Прежде всего нужно выразить благодарность Вадиму Валерьевичу и Ирине Валентиновне Сомсиковым, которые позволили работать с архивом выдаю-

* Минак Вячеслав Сергеевич, студент Института философии человека Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, ordogeometricus@mail.ru

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22–28–00671, <https://rscf.ru/project/22-28-00671/>, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

щегося отечественного филолога, антиковеда, переводчика, писателя и поэта Андрея Николаевича Егунова. Конечно, во многом очевидно, что в основном интеллектуальный взор автора был направлен на литературу Античности и ее рецепцию в европейской культуре разных периодов и эпох. Именно это обстоятельство обуславливает специфику отношения Егунова к тем или иным эстетическим парадигмам.

В описи этого архива под номером 16 значится машинопись «Гнедич и западноевропейская литература» с небольшой правкой, которая вносилась туда от руки. Ее общий объем — 109 страниц, поэтому трудно назвать эту работу статьей (как делает сам Егунов), поскольку по своим размерам она значительно превышает современные тексты, относящиеся к данному жанру. Скорее это небольшое, но самостоятельное исследование, посвященное отдельной теме в области истории русской литературы — раннему творчеству Николая Ивановича Гнедича — первого и до сих пор единственного переводчика «Илиады» Гомера на русский язык. Публикацию текста машинописи нужно предварить некоторыми мыслями о методологических и технических стратегиях Егунова как исследователя отечественной и зарубежной литературы, причем как античной, так и новоевропейской.

Ранее данная работа нигде не публиковалась. По всей видимости, это связано с тем, что автор считал, что она еще нуждается в доработке. На титульном листе указаны годы ее создания — 1965–1968 гг., а также место, где она была написана, — Ленинград. Если исходить из того факта, что Егунова не стало как раз в 1968 г., то можно предположить, что это была его последняя крупная работа. Обрисуем в общих чертах ее основное содержание, а также скажем несколько слов о специфике художественного метода Егунова.

Интерес Егунова к Гнедичу говорит о близости первого не только к античному наследию, но и к различным направлениям европейской литературы эпохи модерна (в широком смысле), включая, в частности, классицизм, сентиментализм, предромантизм, романтизм. Несмотря на то, что при анализе раннего творчества Гнедича автор уделяет больше внимания классицизму и предромантизму, причем, в соответствии с верностью исследуемому материалу, в обратном порядке, поскольку именно такое движение было свойственно литературному развитию Гнедича, вершиной которого, как уже было сказано, явился перевод «Илиады», первейшее каноническое классическое произведение. Так или иначе, на определенном этапе исследования Егунов считал, что данная «статья» представляет собой не что иное как «развернутый экскурс к главам V–VIII работы “Гомер в русских переводах”» (однако в крайней версии машинописи соответствующее примечание уже зачеркнуто).

Нужно также добавить, что предмет публикуемой работы — предромантическая основа русской адаптации гомеровского произведения, свойственная юному Гнедичу и, безусловно, отложившая весомый отпечаток на его последующую литературную деятельность. В целом по самому тексту видно, что акцент сосредоточен на эстетической парадигме романтизма. Вот что пишет

* Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. — М.: Индрик, 2001. — 400 с.

по поводу данного интереса Егунова Е. Л. Пинегина в диссертационном исследовании: «Обращение Егунова-художника к романтической традиции следует рассматривать в русле неоромантических исканий первой трети XX века, шире — в рамках присущего эпохе эксперимента, связанного с трансформациями устоявшихся художественных схем»^{*}.

Движение, по которому переводу «Илиады» в деятельности Гнедича предшествовало увлечение новейшей западноевропейской литературой можно отнести и к творчеству самого Егунова. Здесь прослеживается небезынтесный концептуальный подход к античной литературе, когда Античность понимается не только колыбель европейской цивилизации, но и как определенный, не самый простой рубеж, до которого еще нужно добраться, проделав необходимые предварительные литературные штудии.

Отсюда вытекает актуальность и интерес пристального рассмотрения творчества раннего Гнедича, где по утверждению Егунова, «до сих пор имеются пробелы и которое никогда еще не исследовалось стилистически»^{**}. Рассмотрение художественного метода начинается с обозрения первого периода деятельности начинающего литератора — его пребывания в Московском университете в 1800–1802 гг., а также перечисления тех лиц, которые оказали на него наибольшее влияние на тот момент времени. Первостепенное внимание уделено здесь фигуре немецкого поэта Ф. Шиллера, произведения которого ассоциировались с главной религией всей просвещенной молодежи того времени (в частности, литературного кружка А. Ф. Мерзлякова, имевшего тогда для Гнедича решающее значение в определении передовых современных ему литеральных вкусов) — «духом свободы».

Нужно принять во внимание, что юных литераторов начала XIX в. творчество Шиллера привлекало в его французской рецепции. Это отнюдь не удивительно, поскольку, как известно, именно Франция имела на тот момент подавляющее культурное влияние, что в том числе выражено и в карамзинском направлении русской литературы, пришедшем в то время на смену ломоносовскому, прогерманскому или пролатинскому, так называемому «схоластическому» направлению. Егунов же стремится показать, что «шиллеровские опыты» раннего Гнедича не были случайными, подобное движение характерно для того периода литературы в целом.

После краткого введения в интеллектуальную биографию Гнедича Егунов переходит к последовательному рассмотрению его ранних произведений. В частности, речь идет о: 1) анонимно выпущенном сборнике «Плоды уединения» (1802 г., 212 с.), включающем в себя как прозаические, так и драматические и стихотворные произведения; 2) повести, или небольшом романе, «Мориц, или Жертва мщения» (1802 г., 44 с.); 3) стихотворном переводе трагедии французского драматурга Ж.-Ф. Дюси «Абюфар, или Арабская сказка» (1802 г., 103 с.). Егунов также упоминает и про сохранившиеся наброски пьесы Гнедича «Вольф, или Преступник от любви».

^{*} Пинегина Е. Л. Историко-литературные контексты творчества А. Н. Егунова: автореферат диссертации [дисс.: 05.03.09]. — Пермь: ПГГПУ, 2009. С. 5.

^{**} См. публикуемый текст

В каждом из данных произведений Егунов прослеживает влияние на молодого Гнедича шиллеровского духа. Последний как раз истолковывается им в духе предромантизма — литературного направления, означающего в общем движении как бы, выражаясь формально-логически, средний термин, между сентиментализмом и романтизмом. Если последний, как было показано выше, Егунов в полном соответствии с тенденциями его эпохи оценивал позитивно, то сентиментализм, например, представлялся ему только негативной реакцией на эстетическую парадигму классицизма эпохи Просвещения.

Обращение Егунова к раннему творчеству Гнедича следует из художественно-литературного метода автора публикуемого текста, сформированного интересом к хотя и схожим, но принципиально самостоятельным направлениям новоевропейской литературы, о чем также говорится в современных исследованиях: «Революционное “крушение гуманизма”, остро переживаемое Егуновым-художником, определило не только его “глумливое” отношение к античности, но и выбор в качестве художественных ориентиров эстетических систем барокко и сентиментализма. Предпочтение, отдаваемое автором именно этим культурным традициям, объясняется, на наш взгляд, тем, что обе они, являясь реакцией одна — на Ренессанс, другая — на классицизм, были связаны с кризисом античных ценностей»^{*}.

Таким образом, однозначно можно считать, что помимо античной литературы Егунов в той или иной степени интересовался ключевыми тенденциями европейской литературы XVI–XVIII вв.: барокко, классицизмом, сентиментализмом, предромантизмом и романтизмом, в частности, готической литературой, характерные черты которой также прослеживаются им в творчестве раннего Гнедича. Изучая труды последнего, Егунов творчески воспринял и исследовал концептуальную территорию отечественной литературы, поскольку, в изучении такого важного ее выражения, как карамзинское направление, заложено видение и понимание существенных, характерных черт русской литературы эпохи Просвещения, предшествующей литературной эпохе самого Гнедича, — Золотому веку русской литературы.

Еще одно сходство художественно-эстетических подходов Гнедича и Егунова состоит в активной переводческой деятельности обоих авторов. Причем и у того, и у другого она, начавшись на самом раннем этапе литературных штудий, сопутствовала им всю оставшуюся жизнь, образуя тесное соединение с непосредственно творческой. В частности, единственное отличие у Гнедича, по наблюдению Егунова, состояло только в соотношении этих двух компонентов литературных занятий, изменяющемся в ту или иную сторону на протяжении его жизни.

Из представленного содержания публикуемого ниже отрывка исследования, крупного для современного понимания жанра статьи, занимающего примерно треть его общего объема, вполне ясно следует, что интерес Егунова к Гнедичу был не случаен уже как минимум потому, что при рассмотрении их наследия видно схожее отношение авторов к Античности, *исходящее* из рецепции современной (понятное дело, что в случае каждого автора речь идет

* Пинегина Е. Л. Историко-литературные контексты творчества А. Н. Егунова. С. 5.

о разных опытах) европейской литературы, а не наоборот, как это принято делать согласно истинному, однако зачастую воспринимаемому лишь поверхностно факту, что Античность необходимо считать началом интеллектуальной культуры Европы.

Приведем пример, подтверждающий данную аналогию, а именно следующий промежуточный вывод о творчестве раннего Гнедича, который делает Егунов, дополняя его и собственными размышлениями: «Спрашивается, какое значение имели проделанные Гнедичем литературные упражнения — иначе как упражнениями нельзя назвать эти его юношеские опыты — для Гнедича — переводчика “Илиады”? Не был ли это очень окольный путь к древнейшему эпосу или даже прямо уводящий прочь от него? Известно, однако, что в искусствах окольный путь дает иногда лучшие результаты, чем непосредственно и узко направленный к цели. Если бы Гнедич под воздействием своего университетского преподавателя античной литературы обратился тогда к Гомеру, могла бы возникнуть опасность школьно-схоластического подхода к “Илиаде”. Между тем, Гнедич сперва нисколько и не думал о Гомере — он увлеклся литературой новейшей, нарушавшей закон традиционных поэтик. Это предохранило его от педантизма и расширило его литературный кругозор».

В этом отрывке, который, к сожалению, не входит в публикуемую часть работы Егунова, просматривается однозначное положительное отношение к изучению литературы в *обратном* движении, т. е. от современности как конца к Античности как началу. Эта точка зрения коррелирует и с положениями в отношении художественно-филологического метода Егунова, принятыми в современном отечественном литературоведении: «Важнейшим контекстом художественного творчества А. Н. Егунова является античность, взятая в соотнесении с современностью и заметно травестированная. Пародийно-ироническое восприятие античного наследия обуславливается авторскими представлениями о “конце” античности в культуре XX века»*.

* Там же. С. 7.